

историография бородинского сражения: особенности русской версии

Историография Бородинской битвы - это отнюдь не история эволюции мифа, как бы легендарны ни оказывались те или иные созданные историками элементы «модели» этого события. Историография Бородинской битвы в ее начальных истоках - не столь уж редкий пример того, как представление современников (исторический источник) «перетекает» в историческое, историко-научное представление, десятилетиями и столетиями воздействуя на проблематику, структуру, методы, лексику, суждения и выводы последующего познания. Потому историография Бородинской битвы - это, в значительной мере, проблема соотношения исторического источника и исторического познания.

Письменные источники, связанные с Бородинской битвой, можно, в частности, представить в виде двух больших комплексов. Первый составляют источники синхронные (наиболее значимое место среди них занимают документы военно-оперативного делопроизводства). Источники этого комплекса в большей мере предрасполагают исследователя к индуктивному построению, к взаимной проверке показаний, к критике историографических версий. Источники диахронные, созданные по прошествии того или иного, порой довольно значительного времени - воспоминания, записки, поздние письма, обозрения, замечания, созданные участниками битвы, или даже «имитации» официальных документов - вот главное содержание второго. Именно в центре последнего комплекса, в сочинениях высших военачальников русской армии рождается основа последующей историографической традиции.

Так сложилось, что из штаба Кутузова исходили наиболее значимые источники, но источники синхронные: «Диспозиция для 1-й и 2-й Западных армий при селе Бородине расположенных 24 августа 1812 г.», приказы, рапорты, «Официальные известия из армии от 27 августа»¹. Сколько-нибудь широких концептуальных версий здесь не создавалось. Первая концепция Бородинской битвы оказалась представленной в другом комплексе - в «Замечаниях на "Официальные известия из армии от 27 августа"»² и, в особенности, в «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 году»³ М.Б. Барклая де Толли. «Оправдательные» письма Барклая - документы «личной и небеспристрастной защиты» (А.Г. Тартаковский) - впервые излагали единую, стройную, концептуальную версию событий Отечественной войны, в том числе и Бородинского сражения, версию, существенно отличную от донесений М.И. Кутузова. Официальная и личная переписка Кутузова - синхронные источники неконцептуального характера, в то время как письма Барклая создавались «задним числом» с определенной целью, и в них все точки над «i» уже расставлены.

Возникшая первой, «антикутузовская» версия Барклая проникла в историографию еще до публикации его писем. Уже в 1810-е годы на блюдалась скрытая полемика с известным каждому, но не называемым по имени автором. «Презревшие печать» письма Барклая, а затем и письма Беннигсена широко распространились в обществе еще до «прокутузовских» сочинений К.Ф. Толя⁴, Д.П. Бутурлина⁵, А.И. Михайловского-Данилевского⁶. Составленные в резкой и вызывающей манере сочинения Барклая не могли не спровоцировать ответную реакцию. Главным его оппонентом (как и Л.Л. Беннигсена⁷) выступил К.Ф. Толь.

К.Ф. Толь предложил две версии сражения; в обеих полностью оправдывались все распоряжения и действия русского командования в лице Кутузова. Первый вариант, изложенный в так называемом «Рапорте Кутузова» (не ранее 1813 г.)⁸, уже обладал концептуальными чертами и представлял апологию Кутузова. Прочная репутация Кутузова, от лица которого выступил Толь, поддерживала авторитет и самого сочинителя, сыгравшего немалую роль при Бородине. Вторую версию Толя, созданную, очевидно, в 1816 г. (опубликована в № 22 «Отечественных записок» за 1822 г.), в которой была усилена «прокутузовская» направленность, отличала от первой иная интерпретация планов русского командования, соотношения событий и их хронологии; при этом Толь сознательно продлил бой за флеш и поменял места первую атаку на батарею Раевского и ранение П.И. Багратиона. Некоторое время обе версии Толя существовали параллельно, но к концу XIX в. прочно переплелись между собой. Именно К.Ф. Толь установил смысловую значимость ранения Багратиона как факта, по влекшего отступление левого крыла, в силу чего все остальные события также сместились во времени. Последствием этого явилась утрата логической связи событий между собой.

При всей остроте противостояния нельзя не отметить, во-первых, что К.Ф. Толь взял «каркас», выстроенный М.Б. Барклаем де Толли, но наполнил его иным, противоположным содержанием. Во-вторых, - и в этом одно из наиболее существенных отличий исторического источника, чем были сочинения Барклая, Беннигсена, Толя и других, от исторического исследования, - ни один из них не испытывал нужды в изучении битвы по документам. Военачальники целиком полагались на свои представления, а документы или фрагменты документов были необходимы им лишь для подтверждения собственной правоты (хотя они и называли свои сочинения составленными «на основании рапортов... и официальных документов», как Толь, и, более того, собирали документы, относящиеся к битве). Ситуация, сведенная к поединку мнений, привела к тому, что обе стороны в равной мере дорожили этими мнениями и пренебрегали источниками, сколько-нибудь не совпадающими с этими мнениями.

В поединке мнений между экс-главнокомандующими Беннигсеном и Барклаем де Толли и их бывшим подчиненным

победу одержал их младший сослуживец, проявивший недюжинную силу характера и изобретательность в распространении своих знаний. Но нет оснований считать версию Толя официальной - его жесткий, «канонический» каркас описания битвы был сформирован не в русле официальных правительственных указаний, а, напротив, вопреки им; идеологический фактор явно уступал личному.

Версия К.Ф. Толя была поддержана военными историками 20-40-х годов - участниками Отечественной войны 1812 года. Но это была уже не мемуаристика, а историография.

Однако эта историография обладала существенными чертами, определившими не только ее собственное состояние, но и повлиявшими на последующее за нею историописание битвы. Сменились целевые установки. Если Барклай и Беннигсен - в силу напряженных отношений с Кутузовым и его окружением - все-таки предлагали иное, альтернативное видение битвы и ее частных аспектов, то поколение «историков-адеютантов» - Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский и другие, ориентируясь на победоносный исход войны и кампаний 1813-1814 гг. и имея в основе «каркас» Толя и «монополию на Кутузова», видели свое предназначение в доказательстве единственной возможности и закономерности событий. Суть скрытой полемики состояла в игнорировании мнений оппонентов. Но эта дорога неизбежно вела к упрощениям в их трудах решений, событий и ситуаций, к якобы заданной Кутузовым предопределенности хода войны, к «спрямлению» как логики явлений, так и межличностных отношений в среде высшего командования русской армии. Планы, решения и подступы главнокомандующего истолковывались в русле этой установки. Эти историки, с одной стороны, обогатили картину битвы за счет использования новых источников, в том числе иностранных, с другой - подчиняли толкование источников уже сложившейся версии. В результате с трудом добываемые и собираемые источники так или иначе отходили на второе место. Созданная Толем хронометрическая версия битвы не претерпела изменений. Возникла каноническая концепция, все более расходившаяся с источниковой базой и склонявшаяся к мифу.

Другим серьезным последствием такого подхода стал парадокс - «вытеснение Кутузова». Взяв на себя миссию защиты полководца от оппонентов, эти историки поняли ее как роль толкователей его намерений и решений. Они продолжили традицию Толя «говорить от имени Кутузова». Это, в свою очередь, вело к игнорированию противоречивых источников, апологетическому отношению к версии Толя. Сама же приверженность одной лишь «прокутузовской» версии не снимала сложившегося в 1813-1814 гг. противостояния. Возникнул другой парадокс - подобная защита Кутузова вела к противоположному результату. Замалчивание уже высказанных альтернативных версий, отсутствие их критики и критики источников лишь ослабляло «прокутузовскую» версию. Ей остро недоставало аргументов, подкрепленных ссылками на источники. Старательно избегая полемики (Михайловский-Данилевский: «...голос страстей не может быть допущен в историю»⁹), «историки-адеютанты» не использовали свой шанс развить убедительную научную - на уровне своего времени - версию событий, связанных с Бородинским сражением.

На следующем этапе этим шансом попытались воспользоваться историки критического направления в лице М.И. Богдановича, И.П. Липранди, А.П. Витмера и др. Замалчивание предшествующим поколением «антикутузовских» версий не отменяло их существования, а отсутствие критики источников порождало новые вопросы и соблазн обратиться к неканоническим версиям и не использованным прежде сведениям. Историки критического направления, во-первых, дали своему читателю знать, что существует не одна лишь версия Толя, развитая военными историками 30-40-х годов XIX в., что рядом с ней существуют иные взгляды на подготовку, ход и результаты сражения. Во-вторых, они стали активней использовать иностранные источники и военно-оперативную документацию, не полагаясь на одни лишь мнения полководцев; обнаружили сведения, не согласующиеся с «каркасом» Толя. Однако одно лишь расширение источниковой базы не решало проблемы. Конечно, историки критического направления поколебали веру в непогрешимость версии Толя. Но недостаток исследовательского опыта (его в это время лишь начинала приобретать «гражданская» позитивистская историография) привел к тому, что в их трудах оказались совмещенными и переплетенными различные концепции. В свою очередь, это еще более усиливало «неточность и перепутанность моментов» (И.П. Липранди).

Историография начала XX в. отмечена прежде всего тем, что в связи со 100-летним юбилеем Бородинской битвы ученые и писатели получили необычайно широкий доступ к документам (по сути дела, именно в это время была создана публикаторская основа темы, лишь пополнявшаяся в последующие годы). Но у этого явления была и оборотная сторона. Письменных источников появилось столь много, что это не могло не сказаться на качестве их научной обработки и осмысления. Было нужна путеводная нить; но таких нитей оказывалось по-прежнему две - версия Толя и версия Барклая. Поскольку обе версии уже были хорошо известны, специалисты, в отличие от предшествующего периода, разделились на «лагери» в соответствии с приверженностью к той или иной (Б.М. Коллюбакин, Н.М. Михневич, А.В. Геруа и другие versus А.Н. Витмер, Н.П. Поликарпов и другие; при всем этом не исключалось их переплетение в тех или иных частных оценках) точки зрения. Версия Толя была уже открыто поставлена под сомнение, а сам генерал-квартирмейстер был заподозрен в намеренном создании путаницы в отношении хронометрии сражения. С другой стороны, Толя по-прежнему отождествлялся с Кутузовым; лишь один А.В. Геруа был склонен отделять одного от другого. Противоречия в описании Бородинской битвы были замечены, но попытки исправить их вели лишь к усугублению «перепутанности моментов». Под сомнение был поставлен даже самый итог битвы (Н.П. Поликарпов).

Классово чуждая, дворянско-крепостническая война 1812 года мало привлекала советскую историографию 20-30-х годов; лишь в военных академиях ее вспоминали в курсах истории военного искусства. Ситуация переменялась

кардинальным образом после выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и последующих событий (деятельность комиссии А.А. Жданова, написание учебников истории для средней и высшей школы, создание исторических факультетов и научно-исследовательских структур историков в составе АН СССР и др.). Но теперь в основу взглядов на войну 1812 года и Бородинское сражение были положены идеологические нужды партийно-государственного руководства СССР; проблема приобретала все большее государственно-патриотическое и воспитательное значение по мере приближения ко второй мировой войне.

Несомненной заслугой историков конца 30-40-х годов (Е.В. Тарле и др.) стало возвращение войны 1812 года, Бородинского сражения и Кутузова в историческое сознание современников. Но возвращение это оказалось весьма сложным, «слоеным» явлением. Интересы идеологии, интересы партийно-государственного руководства, с одной стороны, и интересы национального самосознания и собственно исторической науки - с другой, совпали в необходимости возвращения объекта, но не в понимании смысла его возвращения.

Интересы национального самосознания и исторической науки были несколько шире (отсюда жесточайшая критика и даже травля в 40-50-е годы за малейшую попытку отойти от культивируемой в официальной исторической литературе концепции; в частности, это произошло и с Е.В. Тарле). Удобство для «управляемой» истории предоставляла версия Толя, даже со всеми ее переделками; она и легла в основу «советской концепции»; однако с ней произошла любопытная трансформация. Если на недостижимую высоту был поднят авторитет Кутузова, Толь, напротив, как автор хронометрической версии был почти совершенно забыт, рядом с Кутузовым ему не оставалось места. Даже упоминавшееся выше «Описание» Толя (его первая версия) было поспешно переатрибутировано в черновик рапорта Кутузова. Естественно, в подобном подходе к истории Бородинского сражения было не до источников и не до содержащихся в них и в историографических версиях противоречий. Существенное воздействие на историографию Отечественной войны 1812 года и Бородинского сражения оказали аналогии с событиями Великой Отечественной войны и, в особенности, лета-осени 1941 г.

«Оттепель» второй половины 50-х - начала 60-х годов дала некоторый простор и интересам национального самосознания, и науки (не даром празднование годовщин Бородинского сражения на самом Бородинском поле в советское время восходит именно к 1962 г.). В работах Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина, Л.П. Богданова, А.Г. Тартаковского, Б.С. Абаляева, В.А. Дунаевского и других возвращалась дореволюционная историография проблемы, стали вновь широко привлекаться изданные до революции источники. Были сделаны первые шаги в сторону от безудержной сталинской идеализации Кутузова (А.Н. Кочетков и др.). На основе источников прояснились отдельные эпизоды и аспекты Бородинской битвы. Одним из последствий сталинского высказывания о Кутузове и Барклае стало повышенное внимание к личности последнего. Обращаясь к деятельности Барклая, историки предпочитали не привлекать внимания к антикутузовской направленности его «Оправдательных писем» и не пересматривать концепцию и хронометрию Бородинского сражения (Барклай как источник будто «исчезал» после Царева Займища). В основе концепции Бородинского сражения, как и прежде, оставалась версия Толя.

На рубеже советской и новой российской историографии особняком стоит труд Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» (1988). Ценность его состоит прежде всего в том, что автор подверг острой критике ряд догматических концептуальных положений советской историографии об Отечественной войне 1812 года, в том числе касающихся битвы при Бородине. Этот труд означал новый шаг в сторону возрождения прогрессивной традиции взвешенного и объективного отношения к исследовательской проблеме (И.А. Шеин¹⁰). При этом интересно и то, что в описании Бородинского сражения Н.А. Троицкий по-прежнему придерживался хронометрии К.Ф. Толя, в оценках же ему несравненно ближе был Барклай.

Ослабление воздействия идеологической составляющей и в буквальном смысле слова прорыв в изучении действий неприятельских войск в Бородинском сражении (а отсюда и представление о сражении как процессе действия двух сторон) - два наиболее заметных фактора в современной российской историографии Бородинского сражения. Разумеется, сами по себе эти факторы не могут привести к формированию сбалансированной научной концепции; но их следствием стал, так или иначе, перенос внимания историков к исследованию происхождения исторических источников, их показаний и соотношения этих показаний между собой.

К сожалению, круг проблем в изучении историографии Бородинского сражения не исчерпывается вышесказанным. Главная из этих проблем, на наш взгляд, - наличие теоретико-методологической неопределенности в изучении событий Отечественной войны 1812 года, в том числе и «битвы гигантов». Публикация значительного числа иностранных источников и трудов исследователей без научных комментариев привели к тому, что на события 200-летней давности многие в нашей стране, включая историков, стали взирать глазами ветеранов Великой армии. Многие российские источники рассматриваются в качестве «официоза», созданного в жестких рамках идеологии, забывая о том, что со стороны наших противников идеологическая составляющая была не менее жесткой: «идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда. Наиболее показателен здесь XIX век - эпоха национальных историописаний, целенаправленного конструирования исторических нарративов национально-государственного уровня»¹¹. Думается, что британский историк Д. Ливен абсолютно прав, называя в числе главных недостатков российской историографии «сосредоточенность взгляда на военных операциях», восприятие военных событий 1812 года отдельно от дипломатических, нежелание вписать нашу, «отечественную» войну в контекст западных событий, определенная

«заикленность» на русско-французском военном противостоянии¹². Действительно, без учета этих важных обстоятельств невозможно определить ни планы сторон в Бородинском сражении, ни объективно оценить его исход.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962; Бородино: Документальная хроника. М., 2004.

² Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1903. Вып. 2. С. 218-220.

³ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Труды ИРВИО. СПб., 1912; *Он же*. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912.

⁴ Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине... // Бородино: Документы, письма... С. 134-138; *Он же*. «Описание сражения при селе Бородине...» СПб., 1839; *Гартаковский А.Г.* Труд К.Ф. Толь об Отечественной войне 1812 года (опыт реконструкции) // Ист. зап. М., 1970. Т. 85. С. 368-429.

⁵ Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: В 2 ч. СПб., 1823-1824.

⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года: В 4 ч. СПб., 1840.

⁷ Беннигсен Л.Л. Записки графа Беннигсена о кампании 1812 года // Рус. старина. 1909. Кн. 4-12.

⁸ Бородино: Документы, письма. С. 134-141.

⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 380.

¹⁰ Шеш И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.

¹¹ Румянцева М.Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России / Тр. ГИМ. М., 2005. Вып. 148. С. 6-7.

¹² Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: VI Сб. материалов: К 200-летию Отечеств. войны 1812 года / Тр. ГИМ. М., 2007. С. 305-337